

Научная статья

УДК 340.12

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/169-184>

EDN: <https://elibrary.ru/VSBAQE>

Кокутай в философско-правовой традиции Японии: история и современная интерпретация

Марков Сергей Михайлович

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
Хабаровск. Россия

Аннотация. Рассматривается эволюция концепции кокутай как центрального философско-правового конструкта японской идеологии конца XIX – середины XX в., ее конвертация в теорию кокумин. Предметом исследования выступают понятие и принципы кокутай и их философско-правовая оценка; особое внимание уделяется концептуальному анализу кокка синто, или «великому учению» государственного синтоизма. В качестве методологии используются герменевтика и семиотика, теория политического мифа Э. Кассирера, Р. Барта, А.Ф. Лосева, в качестве источников – классическая японская литература и государственно-правовые документы; также задействованы формально-логические методы (топика, индукция, дедукция, аналогия, анализ и синтез, абстрагирование), позволившие выявить особенности государственной идеологии синто и ее трансформацию в идеологию кокумин. В результате проведенных исследований было выявлено, что кокутай и ее принципы формируются через синтез синтоистской мифологии, неоконфуцианской этики, древних японских традиций дзэн-буддизма и далее закрепляются в конституции Мэйдзи, политической сфере как кокка синто, или государственном синтоизме. Используемая методология и методы позволили обосновать тезис о том, что институционализация кокка синто происходила через образовательные программы, воспитание патриотического духа самураев, культ императора, коллективные семейные ценности, кокугаку, государственную символику (хризантема, флаг, язык, храмовая культура синто Исэ и Ясукуни). Особая роль в кокутай отводится обоснованию японского милитаризма и агрессивной внешней политике XX в. на примере идеологии «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания». В качестве выводов показано, что, хотя официальная идеология кокутай была отвергнута после Второй мировой войны, ее этико-культурные основания продолжают формировать японскую идентичность и национальное сознание в новой теории кокумин. Кокутай как философско-правовой феномен сохраняет релевантность не столько в политической, сколько в культурно-ментальной сфере, оказывая скрытое влияние на внутреннее самосознание и «дипломатию мягкой силы» в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Полученные в исследовании результаты могут быть полезны и использованы в философии права, теории права и государства, политологии, дипломатической службе и в качестве практических рекомендаций для дипломатов и политиков АТР.

Ключевые слова: кокутай, кокумин, кокугаку, японская идентичность, кокка синто, менталитет, национализм, Мэйдзи, Хирохито, Япония

Для цитирования: Марков С. М. Кокутай в философско-правовой традиции Японии: история и современная интерпретация // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государ-

.....
Law sciences
.....

Original article

Kokutai in the philosophical and legal tradition of Japan: history and modern interpretation**Sergey M. Markov**The Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev
Khabarovsk, Russia

Abstract. This article examines the evolution of the concept of kokutai as a central philosophical and legal construct of Japanese ideology in the late 19th and mid-20th centuries, and its transformation into kokumin theory. The research focuses on the concept and principles of kokutai and their philosophical and legal assessment, with particular attention paid to the conceptual analysis of kokka Shinto, or the "great teaching" of State Shinto. The methodology used is hermeneutics and semiotics, the theory of political myth by E. Cassirer, R. Barthes, A.F. Losev, and classical Japanese literature and state and legal documents are used as sources. Formal logical methods (topics, induction, deduction, analogy, analysis and synthesis, abstraction) are also used, which made it possible to identify the features of the state ideology of Shinto and its transformation into the ideology of kokumin. As a result of the research, it was revealed that kokutai and its principles are formed through the synthesis of Shinto mythology, neo-Confucian ethics, and the ancient Japanese traditions of Zen Buddhism, and are further enshrined in the Meiji Constitution, in the political sphere as kokka Shinto, or state Shintoism. The methodology and methods used made it possible to substantiate the thesis that the institutionalization of kokka Shinto occurred through educational programs, the cultivation of the patriotic spirit of the samurai, the cult of the emperor, collective family values, kokugaku, state symbols (chrysanthemum, flag, language, the Shinto temple culture of Ise and Yasukuni). Kokutai places a special emphasis on justifying Japanese militarism and aggressive foreign policy in the 20th century, using the ideology of the Greater East Asia Co-Prosperty Sphere as an example. The conclusion demonstrates that although the official ideology of kokutai was rejected after World War II, its ethical and cultural foundations continue to shape Japanese identity and national consciousness in the new kokumin theory. Kokutai as a philosophical and legal phenomenon retains relevance not so much in the political as in the cultural and mental sphere, exerting a hidden influence on internal self-awareness and "soft power diplomacy" in the countries of the Asia-Pacific region (APR). The results obtained in the study can be useful and used in the philosophy of law, the theory of law and state, political science, diplomatic service and as practical recommendations for diplomats and politicians in the Asia-Pacific region.

Keywords: kokutai, kokumin, kokugaku, Japanese identity, State Shinto, mentality, nationalism, Meiji, Hirohito, Japan

For citation: Markov S.M. Kokutai in the philosophical and legal tradition of Japan: history and modern interpretation // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 8 № 1. P. 169–184. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/169-184>. EDN: <https://elibrary.ru/VSBAQE>

Введение

Концепция кокутай (*kokutai*) представляет собой комплекс философско-правовых принципов единения власти и народа, формировавших на протяжении от конца XIX до середины XX в. японскую идентичность. Центральным элементом кокутай является мифологизация императорской власти через провозглаше-

ние императора прямым потомком синтоистской богини солнца Аматэрасу и первого императора Дзимму. С политической точки зрения ядром нового мировоззрения становится этика неоконфуцианства.

Становление государственно-правовой идеологии кокутай происходило под влиянием синто, буддизма школы Махаяны, конфуцианства и переосмысления древних японских мифов. Из синтоизма заимствована связь между богами, человеком и природой, что обнаруживается в идеях гармонии, порядка и уважения к предкам, основополагающих для японского традиционного и современного общества. Буддизм привнес концепции кармы, перерождения, сострадания и стремления к просветлению, но конвертируемые и адаптированные под национальные мифологемы дзэн-буддизма, что способствовало развитию духовного совершенствования через шесть правил парамиты. Идеи конфуцианства в кокутай пропагандировали идеологическую иерархию, почитание старших, лояльность и соблюдение долга. В конечном счете соединение этих учений привело к формированию уникальной японской философско-правовой идеологии и национальной этики эпохи Мэйдзи, в которой гармония, иерархия, долг, любовь к своей истории стали играть фундаментальную роль в формировании японской идентичности, выразившейся в термине 国民 (*кокумин*), что буквально переводится как «народ» и «страна». Хотя, конечно, семантика термина намного сложнее, так как для японцев он воспринимается как нечто особенное в национальном мышлении и этике поведения.

В этот период страна модернизировалась, заимствуя западные технологии и политические институты. Вместе с тем для укрепления национальной идентичности необходимо было использовать свою собственную философию и культуру, которые обосновали бы в общественном мнении авторитет верховной власти в единстве с подданными. Для этой цели была выбрана концепция кокутай. Императорская Конституция Мэйдзи (1889) формально закрепила (легитимизовала) концепцию кокутай и власть императора, подчеркивая его божественное происхождение («...сын Неба страны, где восходит солнце...») и роль верховного правителя [1, с. 104]. Как говорится в гл. I § 3, «Личность императора священна и неприкосновенна», а в § 1 Конституции Мэйдзи, составленной по прусской модели Ито Хиробуми, провозглашается вековечность Великой Японской империи и императорской власти, «непрерывной на протяжении вековечных лет».

В качестве определения кокутай мы возьмем дефиницию и ее признаки, представленные в публикациях и диссертации О.В. Язовской: «Концепция кокутай – государственная мифология, или идеология, императорской Японии конца XIX – середины XX веков, описывающая специфическую национальную сущность японского народа в официальных юридических документах, прежде всего в Конституции Мэйдзи и сфере образования, которая основывается на власти династии божественных императоров, а также на миссии японского народа указывать другим странам Восточной Азии и Дальнего Востока истинный путь исторического развития» [2, с. 42; 3, с. 11].

Как отмечает Джеймс Мак-Клейн, в 1930–1940-е гг. прошлого века в период усиления милитаризма и национализма концепция кокутай была использована

для оправдания агрессивной внешней политики и мобилизации страны на войну. Император был представлен, согласно первой главе «Император» Конституции Японии 1889 г., как верховный главнокомандующий и духовный лидер нации, что в конечном счете привело к трагическим последствиям Второй мировой войны [4, с. 303].

В новой Конституции (1947) концепция кокутай была пересмотрена. Она лишила императора политической власти, оставив за ним роль символа государства. В статье 1 переосмысливается политическая функция императора: «Император является символом государства и единства народа», «его статус определяется волей народа» [5]. Преданность императору была заменена преданностью Конституции и демократическим принципам, но, как нам представляется, главные идеологемы кокутай сохранились, видоизменившись в новую идеологию японской идентичности. В современной Японии концепция кокутай продолжает оказывать влияние на общество в виде культурных ценностей кокумин, традиций и норм поведения. Уважение к старшим, стремление к гармонии, трудолюбие, чувство долга и коллективизм – важные аспекты японской культуры, унаследованные от кокутай, – в наше время продолжают играть мировоззренческую роль в формировании национального сознания японцев, поддерживая восприимчивость этноса к своей мифологической истории и культуре.

В современной философско-правовой литературе понятие «*кокутай*» (国体 *kokutai*), как правило, интерпретируемое как «национальная сущность» или «государственный организм», занимает центральное место в дискурсе о японской политической и правовой культуре. Среди западных ученых-востоковедов хотелось бы отметить Б. Эрхарта, Дж. Нельсона, К. Антони, Рут Бенидикт; среди японских ученых – Като Хироюки, Цунэцугу Мураока, Мотоори Норинага, Ямагути Сатоси, Кунио Янагита. Особо отметим социалистические увлечения в кокутай Тэрудзиро Кито. В российской японистике – Л. М. Ермакову, А. Н. Мещерякова, Е. М. Дьяконову, А. А. Накорчевского, Г. Е. Комаровского, В. В. Кожевникова, В. Э. Молодякова, О. В. Язовскую и др. В качестве методологии используются теории мифа Э. Кассирера, Р. Барта, К. Антони, А. Ф. Лосева.

В основном теория кокутай изучается через призму ее взаимоотношений с японскими традициями, мифами синто, религией, идеологией, культом императора, патриотизмом, милитаризмом. Наконец, кокутай олицетворяется с кризисом власти середины XX в. Но кокутай как национальная философско-правовая теория (идеология) и ее принципы не исследуются. Так, аргюи считается, что термин кокутай закреплен в Конституции Мэйдзи, однако с юридической точки зрения в ней его нет. Более того, в § 28 Конституции 1889 г. формально закреплено свободное вероисповедание.

Основная часть

Первый иероглиф *коку* читается как «страна», «государство», «нация», «отечество», «дом», что в сочетании примерно соответствует европейскому понятию «национальная идея». Акцент делается на денотатах термина (территория, страна, государство, император). Второй иероглиф *тай* (体) читается как *karada*, переводится буквально «тело», но в европейском смысле воспринимается

как «организм» или «институт». Однако с точки зрения семиотики *karada* следует понимать как субстанцию, состоящую из базовых принципов синто. Поэтому, если внимательно читать внутренний текст, получается, что кокутай – это духовно-телесная субстанция японской государственности, при этом сами японцы в период окончательного оформления теории отказались от трактовки «организма» как ее сущности. Все перечисленные смыслы имеют значение тогда, когда мы расшифровываем на западный манер концепт «кокутай».

Теория кокутай появилась на японской идеологической арене на закате эпохи Эдо. Ее основные принципы были впервые сформулированы в Императорском рескрипте об образовании от 30.10.1890 г. (Shiryō Kyōiku Chokugo: Kanpatsujī oyobi Kanren Shoshiryō), или «Манифест об образовании». В этом году наступил новый этап превращения Мэйдзи, или «просвещенного правления», в общенациональный символ национального прогресса. Как отмечает А. Н. Мещеряков, рескрипт об образовании провозглашал приоритет исключительно японских (синто) моральных ценностей и их первенство перед законом, верноподданнический акт почитания японского народа императору, процветание императорского дома, вечного как Небо и Земля [6, с. 381–384]. Синто – это «путь богов», императора и его подданных [7, с. 11–13]. При этом здесь синто следует воспринимать не как древнюю японскую мифологию, а как государственное синто, т.е. идеологию, разработанную Хирата Ацутанэ (1776–1843) и Аидзава Сэйсисай (1782–1863). Для понимания принципов кокутай надо различать синто как: 1) мифологию; 2) идеологию.

В этой инструкции впервые была сформулирована государственная программа в сфере образования в духе воспитания патриотизма и традиционных японских ценностей, основанных на государственной идеологии *синто* в школах и университетах. Составленный на 315 кандзи (225 знаков на одном листе), *синто* представлял собой методические указания (предписания) в области воспитания молодежи в духе уважения к императору и истории страны, но пока еще включал в себя главные конфуцианские семейные ценности. В целом он ориентировался на нравственные ценности и национальные добродетели, любовь к отечеству, почитание императора как верховного божества. Если коротко, рескрипт выражался в пяти принципах: «жэнь», «и», «ли», «чжи», «синь» (человеколюбие, долг, справедливость, почтительность, церемониал, ритуал, мудрость, благонадежность и вера). Принципы в манифесте как бы подразумевались, но терминология отсутствовала. Их толкование в духе национальных идеалов входило в обязательность учителям. Так, сначала были представлены главные философско-правовые принципы кокутай.

В семантике «жэнь» – два контекста, состоящих из двух китайских черт: нож и сердце. Если нож вонзается в сердце, человек должен терпеть ради долга перед высшими благами (отечеством, императором, семьей). Это образно отражает состояние, когда, встречаясь со словесными или же другими нападениями, раздражающими душу, человек должен сдерживать себя и не позволять своему гневу и негодованию возобладать над своим разумом.

Вышеуказанные принципы включают в себя широкий круг правил, регламентирующих, по существу, все сферы общественной жизни, начиная от семьи до государственных обязанностей. Так, через их сочетание можно осмыслить долг самурая, или кодекс, перед государем, решившим сделать хакари. «Жэнь» реализуется через «ли» (почтительность, социальные нормы общезнания и регламент, церемониал) плюс «и» (долг и справедливость). В контексте японского синто «жэнь» понимается через совокупность всех денотатов термина. В целом, как считает А. А. Накорчевский, конфуцианская риторика, начиная с поэта и законодателя раннего Эдо Хаяси Радзан, становится неотъемлемой частью синто, затем и государственного синто, а с Ямадзакки японская мифология (синто) излагается на языке конфуцианства [7, с. 349]. Иными словами, говорит Хаяси Радзан, путь Богов и путь Конфуция – это два явления одной сущности [7, с. 351].

Концепция кокутай была сформулирована лишь в 1937 г. в период расцвета «великого учения синто», как верно считает О. В. Язовская [2, с. 39, 40; 8, с. 513, 514]. Концептуально она была выражена в так называемых «кардинальных принципах кокутай-но хонги» (*kokutai-no honggi*), представлявших собой инструкцию по применению государственной идеологии в сфере воспитания и образования. Окончательно концепция оформилась в документе Министерства образования Японии 1941 г. «Синмин-но мито», или «Путь подданных», своеобразной Библии для японского народа, утверждавшей божественное происхождение императора и его власти и правила поведения, основанные на исторических и семейных традициях в духе государственного синто [9]. В этом документе концепция кокутай оценивалась как истинная японская религия и идеология. Так, школьникам рекомендовали учить наизусть отрывки из древних японских легенд «Кодзики», «Нихон Сёки», «Манъёсю» с тем, чтобы правильно воспитывать в себе дух почитания отечества, императора и семьи. Как считает О. В. Язовская: «Целью данных указаний было представление национальной сущности на государственном уровне как наиболее древней, родившейся ещё в эпоху древних Богов, когда создавался мир и был задан порядок государственности» [2, с. 40]. По мнению востоковеда, «инструкции» *кокутай-но хонги* впервые открыто представили государственное синто как идеологию милитаристской и ультранационалистической пропаганды через мифологизацию мифов о земле богов с императором в качестве духовного лидера нации [8, с. 514].

Концепт кокутай в эпоху Мэйдзи и до середины XX в. – онтологическая и аксиологическая интерпретация теории единения власти и общества на основе модернизированных на европейский лад японских традиционных ценностей, в целом – национальной культуры объединения власти и народа в неразрывное мировоззренческое целое. Император, согласно концепции кокутай, не просто олицетворял власть как политический институт или авторитет, он представлял ее божественное, прежде всего синтоистское, начало. Поэтому верность и богопочитание, закрепленные в Конституции Мэйдзи, воспринимались высшей добродетелью и священным долгом всех подданных империи.

В эпоху революции Мэйдзи (1868–1889) на национальном уровне для идеологического обоснования кокутай была разработана государственная религия *кокка синто* («великое учение»), или государственный синтоизм (был и есть сейчас императорский синто). Ее основной целью было возрождение культа императора взамен поклонения сёгунам Токугава и философско-правовое обоснование единения власти и народа посредством пропаганды древних японских традиций. Синто стал повсеместно внедряться как философско-политическая идеология, впрочем, от иерархических ценностей конфуцианства не отказываясь окончательно. Японская империя, как пишет востоковед Е. Андерсен (Emily Anderson), понимала патриотизм как религиозную преданность императорскому роду, чему должно было способствовать государственное синто [10, с. 19].

С.Г. Бишарова отмечает, что синто следует понимать не только как религию, но и комплекс национальных, мировоззренческих и философских ценностей, с древнейших времен и в XXI в. оказывающих влияние на формирование (развитие) особого национального менталитета. «...Феномен синто не только связан с древнейшими верованиями, но, в большей степени, обнаруживает свое воздействие на новое синтоистское мировоззрение... и формирование... ментальности человека традиционной японской культуры» [11, с. 15, 16]. Как справедливо пишет автор, в современной Японии в последнее время наблюдается новый интерес к традициям синто. В данном контексте следует добавить точку зрения дальневосточного востоковеда В.В. Кожевникова: «Когда мы говорим о Японии, важно иметь в виду, что синто – стержень японского менталитета. Эти особенности необходимо учитывать в рамках традиционного религиозного самосознания японцев» [12, с. 167].

Отметим основные философско-правовые принципы государственного синтоизма (*кокка синто*), оказавшиеся в центре теории кокутай. Но сначала напомним, что основателем кокутай считается философ-конфуцианец школы Мито Аидзава Сэйсисай (1782–1863), или Ясуси, разработавший в своих трактатах «Новая теория» («Синрон») онтологическое обоснование императорской власти; суть трактатов сводится к идеологической иерархии подчинения всех бюрократических механизмов этой идеологии во внешней и внутренней политике [13, с. 89]. Кстати, это тот самый Ясуси (Сэйсисай), который написал первый трактат о Курильских островах.

Култ императора (*тэнно*), или тэнноизм, логично интерпретировать как олицетворение телесной и духовной субстанций верховной власти в лице императора, объявлявшегося прямым потомком богини Аматаэрасу. Как считает Т.Г. Сила-Новицкая, «...миф о божественном происхождении императора базируется на синтоистском постулате о кровном родстве императорской династии с богиней солнца Аматаэрасу [14, с. 34]. Учение *тэнно* было создано в рамках кокутай как «социальная мифология, активно использовавшая традиционные духовные ценности» [Там же], с целью разработки национальной идеологической догматики. «Тэнноизм возводил учение об уникальном общественном устройстве Японии в степень синтоистской догматики кокутай, возвышая его до уровня религиозной веры...» [Там же, с. 35].

«Тэнноистско-синтоистская культура» (Кэндзабуро Оэ) особенно пропагандировалась в школах. Все школы были укомплектованы портретами императора Мэйдзи, под которыми учителя обязаны были проводить воспитательные мероприятия и зачитывать рескрипты по патриотическому воспитанию. Но «в отличие от Европы, изображения императора нельзя было видеть каждый день. Он хранился в специально запертой на ключ комнате... Хранилище императорского портрета выполняло роль синтоистского святилища (наподобие зеркала Исэ. – Прим. С. М.). Изображения императора предьявлялись... только во время государственных праздников – точно так же, как синтай предьявлялся верующим лишь во время ритуалов» [6, с. 435, 436].

С культом императора непосредственно связан японский национализм. Как справедливо отмечает в своих очерках Кэндзабуро Оэ, речь идет об ортодоксальном, или довоенном, национализме. Всемирно известный писатель характеризует его через синто, «религию, уходящую корнями в древность, или японскую космологию», в эпоху Мэйдзи, отделившуюся от буддизма [15, с. 262]. В его основе – «тэнноистско-синтоистская культура» (15, с. 264). Довоенный (ортодоксальный) национализм, считает Кэндзабуро Оэ, есть идеология людей, «...чувствующих себя неотделимыми и основательно связанными с японским государством... Это национализм людей, считающих себя чем-то вроде органов (кокутай. – Прим. С. М.), которые незамедлительно погибнут, если отделить их от тела (кокутай. – Прим. С. М.), коим является японское государство» [16, с. 61, 62]. Часто в своих очерках и эссе японский писатель характеризует его как «национальное высокомерие», в том числе над коренным народом японских островов, например в запретах использовать в школах окинавский диалект.

В кокутай появляется тезис о семье-нации (*ямато-кодзоку*), когда японский народ объявлялся большой семьей во главе с патером нации (тэнно), что в буквальном переводе означает «небесный хозяин». Япония провозглашалась особой цивилизацией со своей собственной мифологической историей и утопическим будущим в пантеоне синтоистских божеств. Как результат, построение особого государства-нации в Восточной Азии и на Тихом океане. Почитание древней японской мифологии сопровождалось обязательным чтением таких литературных памятников, как «Кодзики» и «Нихон сёки».

Кокутай отразился в японоведении *国学* (*кокугаку*) – изучение японской истории, где центральной темой введено *когуки* – учение об императоре, развившейся первоначально из философии неоконфуцианских школ примерно в XVII в. Например, исследование «Повести о Гэндзи» и «Записок о деяниях древностей» («Кодзики»). Наиболее яркий их представитель – Ханава Хокиити (1746–1821), японский ученый-энциклопедист, с которого начинается в кокутай всеобщее поклонение синтоистскому храму Исэ и главной его святыне – императорскому зеркалу *Ята-но кагами*, объявленному высшим государственным храмом Японии. Кроме Исэ, государственными храмами, рангами ниже, были установлены императорское святилище (*кампэйся*), для чиновников – *кокухэйся*, а для народа – *кокуси* («рядовые святилища»). Согласно принятой в конце XIX в.

серии законов об охране мира и общественного порядка, синтоистские священники объявлялись государственными служащими, а храмы подчинялись Министерству внутренних дел.

«Великая история Японии» («Дай Нихон си») – коллективный сборник философии истории кокугаку XVIII в. школы Мито с идеологическим обоснованием божественного происхождения императорской власти, охватывающий историю Японии от мифического императора Дзимму (VII век н.э.) до императоров XIV в. и превратившийся в кокутай в учебное пособие реставраторов Мэйдзи. Можно сказать, что *кокугаку* было основано Кэйтю и Адзумамамаро; название дано в 1715 г. Токугавой Цунаэда. В эпоху Мэйдзи «Дай Нихон си» рекомендовалось для учащихся школ и университетов. Интересно заметить, что его популярность отмечается и в современной Японии.

«Великая восточноазиатская сфера процветания» в Восточной Азии и на Тихом океане (GEACPS) эпохи императора Хирохито 30–40 годов XX в., или японский национализм, всегда была в первую очередь особым продуктом государственной идеологической политики кокутай. Главная заявленная в документе цель заключалась в обеспечении экономической самодостаточности и сотрудничестве между азиатскими государствами, а также в противодействии западному империализму и советскому коммунизму; в действительности – пропаганда исключительно японских ценностей и мировоззрений. Официально документ утвердился на Токийской конференции 5–6 ноября 1943 г. как концепция «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания». Несмотря на заявленную цель укрепления азиатского сотрудничества, конференция носила пропагандистский характер. Согласно мнению Ивабути, Японии предлагала азиатским странам привлекательный идеологический продукт кокутай с лидирующей ролью метрополии, аргументируя свой подход тем, что «...Японию и Азию объединяет опыт *«гибридной» модернизации*». По сути, это означало, что «японский опыт может стать моделью для других азиатов...» [17, с. 23].

В теоретическом плане «японское процветание» состояло из шести пунктов: 1) обеспечение постоянной стабильности в Восточной Азии; 2) дружеские отношения с соседними государствами и соблюдение принципов международной справедливости; 3) совместная защита от коммунизма; 4) формирование новой культуры; 5) экономическая сплоченность и сотрудничество; 6) обеспечение мира во всем мире. Обращают на себя внимание в этой демагогии пп. 3 и 4, явно нацеленные по продвижению кокутай во внешней политике. Ее онтологическое обоснование коротко выразил американский историк Джон Доуэр (John W. Dower): идеология «духовной сущности» Азии как противопоставление «материалистической цивилизации» Запада [18, с. 204].

С философско-правовой точки зрения японские милитаристы ссылались на доктрину Монро для Азии. С юридической точки зрения доктрина берет свое начало с концепции «Нового порядка в Восточной Азии» от 03.11.1938 г., окончательно закрепившись в переименованном виде в 1940 г. Если доктрину оценивать сегодня, то можно сослаться на исследования Л.Г. Арешидзе и М.И. Крупянко: «Современные японские власти готовы прилагать большие усилия

для укрепления «духа нации», но при этом они не намерены повторять ошибки прошлого. Современная националистическая пропаганда в Японии нацелена на поддержание у японцев устойчивой веры в силы нации и государства, на распространение традиционной японской системы ценностей» [19, с. 247]. Если сравнить доктрину с классическим вариантом, делается акцент на смещении к азиатским ценностям, но под японским покровительством в духе программы Монро для Азии и Дальнего Востока.

Дзингикан (*дзингиин*) – возрожденный государственный совет по делам религий, небесных и земных божеств, прежде всего синто, со своим идеологическим аппаратом, в функции которого входило просвещение кокутай среди народа. Формально совет по делам религий возглавил Муцихото (Мэйдзи) как император, восседающий на «хризантемовом троне». Яркий пример политики дзингиин – строительство государственного храма мира синто Ясукуни в Токио (почитание душ погибших за отечество воинов) в комплексе с военным музеем Юсюкан и большим парком в центре столицы. Наиболее известные премьеры – почитатели храма Ясукуни: Такэо Мики, Дзюньитиро Коидзуми, Хасимото Рютаро и Синдзо Абэ. В отличие от основных синтоистских храмов, Ясукуни подчинялся непосредственно правительству, в начале – военным. В плане кокутай он символизировал (в настоящее время по-прежнему в глазах дальневосточной общественности) духовную сущность японского милитаризма. Несмотря на то, что в новых исследованиях предлагается кардинально пересмотреть его функции, обратив внимание на его миролюбивое название, например в статье В.В. Кожевникова, тем не менее души военных преступников так называемой категории А из протоколов Токийского трибунала 1946 г. в нем почитаются как герои нации. Храм – закрытый, т. е. не для всех, но если его приоткрыть, то там мы «обнаружим» душу индийского судьи, проголосовавшего в Токио против наказания японских преступников категории А, и души 14 военных преступников [12, с. 171–174]. Иными словами, Ясукуни следует воспринимать как символ японского национализма и, добавим для точности, этнической идентичности. Он по-прежнему играет двуликую роль в современной политике Японии, особенно в странах АТР.

Государственные праздники и выходные дни по закону от 14.10.1873 г., среди которых отметим: 3 января – праздник в честь Гэнсисай, или праздник начала императорской семьи, внука богини солнца Аматэрасу, 30 января – *комэй* (день памяти императора), 11 февраля – день основания империи (сохранился по закону № 178 1948 г.), 3 апреля – день памяти Дзимму, 3 ноября – день рождения императора Мэйдзи (сейчас – 23 февраля) и другие государственные праздники, введены с целью пропаганды божественного происхождения власти.

В 1891 г. Министерство образования рекомендовало празднование государственных дней среди школьников с целью патриотического воспитания в духе милитаризма. Хотелось бы отметить, что этот закон сопровождался разъяснительными инструкциями от МВД Японии. Как отмечает В.В. Кожевников, «начиная с революции Мэйдзи и до Второй мировой войны Министерство образования Японии пропагандировало идею, что государственное синто – извечный

обычай японского народа, а не религия. И потому вменяло в обязанность всем японцам совершать поклонение в храмах и школах вне зависимости от их религиозных убеждений, будь они буддисты или христиане» [12, с. 171]. Таким образом, в образовательной среде и воспитании кокутай синто использовалась как государственная идеология и инструмент патриотического воспитания в духе японского национализма.

Символика императорской власти – это, прежде всего, культ хризантемы, раскрытый ранее в опубликованных работах [20–22]. В японской семиотике и мифологии хризантема – символ Аматаэрасу, т. е. богиня-солнце, что по-японски звучит как *kiku* (солнце) – главная богиня пантеона синтоистских богов; более того, прародительница всех японских императоров. Согласно древним мифам, хризантема, так же как лотос и ирис, имеет божественное происхождение. По легенде бог творения Идзанаги, сбегав от старой злой ведьмы на землю, решил умыться в реке. Сброшенные драгоценности превратились в цветы: браслеты в лотос и ирис, а ожерелье в золотую хризантему. Эта мифологема отражается во многих пословицах и поговорках, связанных с хризантемой, а красивых девушек принято в шутку называть *о-кику-сан*.

Хризантема – один из самых знаменитых символов Японии, который играет важную роль в культуре и искусстве этой страны с древнейших времен, но только в период Эдо (1603–1868), т. е. в эпоху рождения японского самосознания как особого этноса и этики чести самурая бусидо, она стала использоваться как особый знак императорской власти. Выбор в ее пользу был сделан по разным причинам. Прежде всего, в период возникновения так называемого «японского духа» требовалась особая символика. Хризантема из синто превратилась в символ обозначения власти (трон императора в виде хризантемы) и чести самураев, а также как знак долголетия и процветания японского государства. Ее изображение в XX в. зафиксировали в японском паспорте. В 1869 г. хризантема официально признана в качестве национального цветка Японии, а в 1916 г. она стала символом императорской семьи. С тех пор хризантема прочно вошла в государственную символику Японии и стала одним из самых узнаваемых ее элементов в мире: «В современном понимании японцев хризантема – это символ богатой истории, культуры, традиций и ценностей страны. Она ассоциируется с осенью, долголетием и императорской властью. Одновременно стали модными кимоно с изображением хризантемы, но по мере милитаризации страны ее заменили на сакуру как символ самурайской чести» [20, с. 237].

В эпоху Мэйдзи (1868–1912) император Муцухито в эдикте № 1 от 4 января 1888 г. узаконил Высший Орден Хризантемы в двух степенях: Орден Хризантемы с цепью и Орден Хризантемы на Большой ленте, знак хризантемы с подвеской и звезда ордена хризантемы без подвески. Знак Ордена представляет собой четырехконечный позолоченный символ с лучами белой эмали, в центре которого располагается диск солнца красной эмали. Между лучами находится цветок хризантемы желтой эмали с зелеными эмалированными листьями.

С национальной идентификацией связано рождение японского флага, что было обусловлено открытием страны для международной торговли. Изначально

на нем также изображали хризантему: на белом полотне изображалось красное солнце с 16 лучами (что соответствует количеству лепестков у хризантемы), позже лучи убрали. В Японии его называют *кёкудзицу-ки*.

В основу изображения герба, как считает А. Н. Мещеряков, легло очертание императорской печати в виде хризантемы эпохи китайского влияния Хэйан (794–1185), что в переводе буквально означает «мир» [23, с. 203]. Хризантема символизирует *кикумон*, т. е. мир и спокойствие. Интересно, что формально герб в Японии отсутствует, а вместо него используется рисунок хризантемы (кикумон). Его изображение есть на обложке японского паспорта, зданиях официальных учреждений власти, монетах, памятных орденах в честь исторических важных событий, а также на главной официальной награде – Ордене Хризантемы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантика кокутай в японской культуре имеет свою внутреннюю логику или закономерности: символика складывалась веками на основе легенд и истории страны. В контексте современной истории хотелось бы отметить, что для японского «религиозного» мышления характерен синкретизм и номинализм, или смешение синто, дзэн-буддизма, конфуцианства, даосизма и христианства. Как верно заметил А. Ф. Прасол: «В целом японцы относятся к религии терпимо, гибко и прагматично – любая религия хороша, если помогает в практической жизни» [24, с. 159].

Синто как кокутай продвигался не только внутри Японии, но и в колониях, что сегодня негативно вспоминают на Дальнем Востоке. В статье К. В. Шуплецово́й о колониальной политике синто в Корее отмечается, что в корейских школах перед уроками, как и в Японии, читались клятвы императору, размещались портреты императора. Клятва императору представляла собой краткую версию Императорского рескрипта о народном образовании, в которой корейские школьники обещали воспитать выносливость в трудностях и прославлять путь императора [25, с. 60].

В колониальной Корее все местные религии были объявлены «псевдорелигией» и суеверием. Вместо них на основе Договора о присоединении Кореи к Японии 1910 г. и «Указа о буддистских храмах» 1911 г. в Корее кокутай провозглашался официальной государственной религией, что выразилось в массовом строительстве синтоистских храмов с центром Тёсэн дзингу со статусом императорского храма Аматаэрасу на горе Намсан, священном месте корейского буддизма. На основе Указа о храмах японское правительство полностью контролировало богослужение в корейских храмах (ст. 1), ликвидировалась свобода собраний на храмовых территориях (ст. 2), как разъяснялось в ст. 7, с целью создания общественной безопасности и ассимиляции корейского народа. Всего до 1945 г. в Корее было возведено более тысячи храмов синто. Во всех храмах происходили богослужения *тэнно* в честь японского императора. Так, японское правительство пропагандировало кокутай во внешней политике.

Японский лозунг *кокумин* (страна и народ) в XXI в. продолжает оставаться главной идеологией государства, при этом его политику отличает большое разнообразие. Тем не менее в своей сути корень «коку» сохраняется. Замена произошла лишь в предикате, но не субъекте. Кокумин 国民 (*kokumin*) по-прежнему

играет ключевую роль во внешней и внутренней политике японского государства. В качестве примера можно привести политические движения за возврат Курильских островов или реформу «американской» Конституции 1947 г., или рекомендации по обязательному поклонению духам воинов в храме Исэ.

Синто как религия официально отделена от государства, что закрепилось в ст. 20 Конституции Японии о свободе вероисповедания [5]. Как отмечается в ст. 20, «ни одна из религиозных организаций не может получить от государства привилегий и не может использоваться государственной властью» [5]. Император Хирохито всенародно 1 января 1946 г. объявил о своей человеческой сущности, кокутай исчезла из государственных документов, тем не менее ее пропаганда сохранилась под другими «миролюбивыми» лозунгами японских культурных ценностей.

Как справедливо отмечают в своих исследованиях Л.Г. Арешидзе и М.И. Крупяно, «национализм в Японии есть закономерная реакция японского общества на усиление глобализации, опасности поглощения и растворения в ней традиционных базовых японских культурно-этнических ценностей. Эта реакция непосредственно выражается в подъеме националистических настроений в недрах японского общества...» [19, с. 242]. Японский политический электорат в новом веке вместо кокутай для АТР и АСЕАН предлагает японскую, как считают ее авторы, социальную модель кокумин, но уже разбавленную азиатскими гуманитарными ценностями (например, программой Махатхир Мохаммада, Исихара Синтаро и Ли Кван Ю). Прежде всего, трансформированный кокутай в *кокумин* продвигается в Азии и на Дальнем Востоке «мягкой силой» через дипломатию, массовую японскую культуру и национальную символику, что было ранее показано в публикациях о кадо хризантемы и японского театра кабуки [20, с. 234, 237].

Ссылаясь на мнение профессора Токийского университета Имада Такатоси, востоковеды Л.Г. Арешидзе и М.И. Крупяно отмечают, что Япония в XXI в. желает превратиться в цивилизационный мост между Западом и Востоком на основе новой модели национальной идентичности с азиатскими странами. «Японские националисты убеждены в том, что формирование новой японской идентичности и на ее основе – нового японского национализма – обусловлено изменившейся ролью Японии в мире. Япония не должна больше ассоциировать себя ни с Западом, ни с Востоком, а играть объединительную роль посредника, строить мосты между западными и азиатскими ценностями» [19, с. 245]. Это значит, что для японских националистов главной задачей остается поиск особой национальной идентичности в глобализованном XXI в. Это и есть тот самый привлекательный идеологический проект для Азии и Дальнего Востока, по мнению японского ученого Коити Ивабути, представленный в его статьях о роли массовой японской культуры в Азии и АСЕАН в сборнике «Популярная культура, глобализация и Япония в проекте постколониальной Азии» [26].

Заключение

Таким образом, японский государственный национализм, ориентированный на массовую культуру и дипломатию, по-прежнему популярен как внутри Японии, так в странах АТР и Дальнего Востока. Однако акцент в идеологии произошел в сторону смещения «чисто» японских культурных ценностей

на «азиатские». В идеологии *кокка синто* это происходит в зеркальном их противопоставлении «западным» традициям от имени азиатского народа и ради его блага разных вариантов «кокуменов».

Хотя официальная идеология кокутай (философско-правовая основа японской идентичности от эпохи «просвещенного правления» и до Токийского трибунала) была отвергнута после Второй мировой войны, ее этико-культурные основания продолжают формировать японскую идентичность и национальное сознание в новой теории кокумин. Кокутай как философско-правовой феномен сохраняет релевантность не столько в политической, сколько в культурно-ментальной сфере, оказывая скрытое влияние на внутреннее самосознание и «дипломатию мягкой силы» в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), а также культурное превосходство японской нации в Азиатском «совместном процветании» народов под эгидой Японии.

Список источников

1. Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. Москва: Лингвистика, 2024. 475 с.
2. Язовская О. В. Политический миф о национальной сущности (на примере Императорской Японии конца XIX – середины XX веков) // Философия политики и политология. Екатеринбург: Изд-во Уральского фед. ун-та, 2014. С. 33–43.
3. Язовская О. В. Традиционные мифо-религиозные комплексы в контексте трансформации государственной системы Японии: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01: Теория и история культуры. Екатеринбург: УФУ им. Б. Н. Ельцина, 2016. 22 с.
4. Мак-Клейн Джеймс Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 895 с.
5. Конституция Японии 1946 года (вступила в законную силу 03.05.1947 г.). URL: https://www-1.gsb.columbia.edu/ps/japan/constitution_1947.pdf
6. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. Москва: Наталис, 2009. 736 с.
7. Накорчевский А. А. Синто. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. 448 с.
8. Yazovskaya O. Concept of Kokutai as National essence in the Foundation of Japan's imperial Subjectness in late XIX – first half of XX century // IJASOS – International E-Journal of Advances in Social Sciences. 2018. Vol. IV, Iss. 11. P. 510–515.
9. Motohisa Yamakage. The essence of Shinto: Japan's spiritual heart. New York: Kodan-USA, 2006. 229 p.
10. Andersen E. Introduction: Empire of Religions: Exploring Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea // Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. Palgrave Macmillan Singapore, 2017. P. 17–28.
11. Бишарова С. Г. Синтоистские основы традиционной японской культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01. Новосибирск: НГПУ, 2006. 27 с.
12. Кожевников В. В. Синто и национализм в Японии (проблема храма Ясукуни) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 166–179.
13. Yamaguchi Satoshi. English-Japanese: Shinto from an International Perspective. Tokyo, 2012. 204 p.
14. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. Москва: Наука, 1990. 206 с.
15. Кэндзабуро Оэ. Орел над вселенной: пер. с япон. // В сб. «Обращаюсь к современникам». Москва: Прогресс, 1987. С. 261–269.

16. Кэндзабуро Оэ. О праве разлюбить Японию: пер. с япон. // В сб. «Обращаюсь к современникам». Москва: Прогресс, 1987. С. 57–63.
17. Iwabuchi K. Japanese popular culture and postcolonial desire for Asia // *Popular culture, globalization and Japan*. London and N.Y., 2006. P. 15–35.
18. Dower John. *War without Mercy: Race and Power in the Pacific War*. Pantheon; First Edition, 1987. 416 p.
19. Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм как основная объединительная и защитная сила нации в новом миропорядке XXI века // *Вопросы политологии*. 2024. Вып. 1 (101), т. 14. С. 237–251.
20. Марков С. М., Шумилова В. В. Японский путь цветка (кадо) // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2025. Т. 22, № 2. С. 229–240.
21. Марков С. М., Шумилова В. В. Хризантема (кикумон) как символ государственной власти и этнической культуры Японии // *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания: сб. науч. тр. / под ред. В. А. Федяниной, А. В. Савинской, И. Р. Нургалиева*. 2025. Вып. 30. С. 172–180.
22. Кармишина М. А. Символика цветов в синтоизме и современной фитонимической культуре Японии // *Языковая картина мира, культура и перевод / редкол. И. П. Федотова*. Хабаровск: ДВИУ РАНХиГС, 2025. С. 203–208.
23. Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. Москва: Наталис, 2003. 556 с.
24. Прасол А. Ф. О некоторых особенностях русского и японского этнокультурного типа // *Япония. Ежегодник. Институт Востоковедения РАН*. 2007. № 36. С. 148–170.
25. Шуплецова К. В. Распространение синтоизма в Корею в колониальный период // *Корееведение*. 2024. № 2. С. 55–64.
26. Iwabuchi K. Japanese popular culture and postcolonial desire for Asia // *Popular culture, globalization and Japan*. London and N.Y., 2006. P. 15–35.

References

1. Meshcheryakov A. N. To be Japanese. History, poetics and scenography of Japanese totalitarianism. Moscow: Linguistics; 2024. 475 p.
2. Yazovskaya O. V. Political myth about national essence (on the example of Imperial Japan of the late XIX – mid XX centuries). *Philosophy of politics and political science*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural Fed. University; 2014. P. 33–43.
3. Yazovskaya O. V. Traditional mytho-religious complexes in the context of the transformation of the state system of Japan: author. dis. ... Candidate of Cultural Studies: 24.00.01: Theory and History of Culture. Yekaterinburg: UFU named after B. N. Yeltsin; 2016. 22 p.
4. McClain James L. Japan From the Tokugawa shogunate – in the 21st century. Moscow: AST: Astrel; 2011. 895 p.
5. The Constitution of Japan of 1946 (entered into force in 03.05.1947). URL: https://www-1.gsb.columbia.edu/ps/japan/constitution_1947.pdf
6. Meshcheryakov A. N. Emperor Meiji and his Japan. Moscow: Natalis; 2009. 736 p.
7. Nakorchevsky A. A. Sinto. 2nd ed., Rev. and add. St. Petersburg: ABC Classic; 2003. 448 p.
8. Yazovskaya O. Concept of Kokutai as National essence in the Foundation of Japan's imperial Subjectness in late XIX – first half of XX century. *IJASOS – International E-Journal of Advances in Social Sciences*. 2018; IV (11): 510–515.
9. Motohisa Yamakage. The essence of Shinto: Japan's spiritual heart. New York: Kodansha USA; 2006. 229 p.
10. Andersen E. Introduction: Empire of Religions: Exploring Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. *Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea*. Palgrave Macmillan Singapore; 2017. P. 17–28.

11. Bisharova S.G. Shinto foundations of traditional Japanese culture: author. dis. ... cand. philosopher. Sciences: 24.00.01. Novosibirsk: NGPU; 2006. 27 p.
12. Kozhevnikov V.V. Shinto and nationalism in Japan (the problem of the Yasukuni temple). *Russia and the Asia-Pacific region*. 2014; (4): 166–179.
13. Yamaguchi Satoshi. English-Japanese: Shinto from an International Perspective. Tokyo; 2012. 204 p.
14. Power-Novitskaya T.G. Cult of the emperor in Japan: myths, history, doctrines, politics. Moscow: Science; 1990. 206 p.
15. Kenzaburo Oe. Eagle over the universe: trans. from Japanese. *Sat. "I appeal to contemporaries"*. Moscow: Progress; 1987. P. 261–269.
16. kenzaburo Oe. About the right to fall out of love with Japan: trans. from Japanese. *In Sat. "I appeal to contemporaries"*. Moscow: Progress; 1987. P. 57–63.
17. Iwabuchi K. Japanese popular culture and postcolonial desire for Asia. Popular culture, globalization and Japan. London and N.Y.; 2006. P. 15–35.
18. Dower John. War without Mercy: Race and Power in the Pacific War. Pantheon; First Edition; 1987. 416 p.
19. Krupyanko M.I., Areshidze L.G. Japanese nationalism as the main unifying and protective force of the nation in the new world order of the XXI century. *Questions of political science*. 2024; 1 (101 (14)): 237–251.
20. Markov S.M., Shumilova V.V. The Japanese path of the flower (kado). *Social and humanitarian sciences in the Far East*. 2025; 22 (2): 229–240.
21. Markov S.M., Shumilova V.V. Chrysanthemum (kikumon) as a symbol of state power and ethnic culture of Japan. *Japanese at the university: current problems of teaching: Sat. scientific. tr. / under. ed. V.A. Fedyanina, A.V. Savinskaya, I.R. Nurgalieva*. 2025; (30): 172–180.
22. Karmishina M.A. Symbolism of flowers in Shintoism and modern phytonymic culture of Japan. *Language picture of the world, culture and translation / redcol. I.P. Fedotova*. Khabarovsk: DVIU RANEPА; 2025; 203–208.
23. Meshcheryakov A.N. Book of Japanese symbols. Book of Japanese customs. Moscow: Natalis; 2003. 556 p.
24. Prasol A.F. On some features of the Russian and Japanese ethnocultural type. *Japan. Yearbook. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2007; (36): 148–170.
25. Shupletsova K.V. The spread of Shinto in Korea during the colonial period. *Korean studies*. 2024; (2): 55–64.
26. Iwabuchi K. Japanese popular culture and postcolonial desire for Asia. *Popular culture, globalization and Japan*. London and N.Y.; 2006. P. 15–35.

Информация об авторе:

Марков Сергей Михайлович, канд. филос. наук, доцент, доцент каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, г. Хабаровск, Ser_Mark@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/169-184>

EDN: <https://elibrary.ru/VSBAQE>

Дата поступления:
16.02.2026

Одобрена после рецензирования:
18.02.2026

Принята к публикации:
06.03.2026